

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА «ЦИФРОВЫЕ» ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Doi: 10.54952/DHR.2022.61.25.034

Камола ХУДЖАМОВА,
докторант Университета мировой
экономики и дипломатии

Аннотация. В статье анализируется процесс становления цифровых прав человека в Узбекистане и подробно исследуется проблема защиты прав человека в цифровом пространстве. Автор отмечает, что принятые в Узбекистане Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030» и Дорожная карта по реализации данной Стратегии создают правовую базу для перехода на цифровую экономику и сыграют важную роль в достижении национальных целей устойчивого развития.

Ключевые слова: цифровизация, тайна переписки, стратегии перехода на цифровую экономику, Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030», Дорожная карта, цифровизация регионов, цифровизация отраслей, цифровая культура и грамотность.

Аннотация. Мақолада Ўзбекистонда рақамли технологиялардан фойдаланишга доир инсон ҳуқуқларининг шаклланиши таҳлил қилинган ва “рақамли макон”да инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш муаммоси батафсил кўриб чиқилган. Муаллиф Ўзбекистонда қабул қилинган “Рақамли Ўзбекистон – 2030” стратегияси ва мазкур Стратегияни амалга ошириш бўйича “йўл харитаси” қабул қилиниши рақамли иқтисодиётга ўтишнинг ҳуқуқий асосларини яратиш ҳамда барқарор ривожланиш бўйича миллий мақсадларга эришишда муҳим ўрин тутишини асослаб берган.

Калит сўзлар: рақамлаштириш, ёзишманинг ёпиқлиги, рақамли иқтисодиётга ўтиш стратегиялари, “Рақамли Ўзбекистон – 2030” стратегияси, йўл харитаси, ҳудудларни рақамлаштириш, тармоқларни рақамлаштириш, рақамли маданият ва саводхонлик.

Annotation. The article notes that this Strategy will contribute to the implementation of all state strategic documents and development programs, first of all, it will be important for achieving global and national sustainable development goals.

Keywords: digitalization digital economy, strategies for the transition to a digital economy, “Digital Uzbekistan – 2030” Strategy, Roadmap, digitalization of regions, digitalization of industries, digital culture and literacy.

Введение

Повсеместное распространение ИКТ вносит изменения во все сферы общественной жизни. Сегодня мы живем в условиях информационного общества, в котором происходят кибернетические революции, развивается цифровое общество и киберпространство.

Эти процессы затрагивают каждого из нас. Сейчас индивид живет не в одном, а в двух мирах

– мире реальном и мире виртуальном. Если тридцать лет назад, в эпоху становления первых интернет-технологий, виртуальный мир воспринимался как место для развлечений, игры, временного ухода от повседневности, психологического «бегства» от бытовых невзгод, то сейчас использование интернета является неизбежным, ведь отказаться полностью от использования электронной почты, соцсетей, мессенджеров – это означает уйти из общества, стать своего рода «затворником».

Онлайн-жизнь человека является сейчас неотъемлемой частью его офлайн-жизни (в период пандемии это ощущается особенно остро), однако и отдельные люди, и общество в целом еще не успели перестроиться на эту новую ситуацию взаимоотношений офлайн- и онлайн-миров, что провоцирует возникновение различных конфликтов. Наряду с развитием онлайн-жизни возникает вопрос обеспечения прав человека в онлайн-среде.

Появление «цифровых» прав человека

Права человека развиваются под воздействием различных факторов. Одним из важнейших факторов стала цифровизация в целом и в частности – интернет. Важным последствием такого влияния стало появление «цифровых прав».

Эпоха информационных технологий диктует необходимость ревизии универсальных прав человека и их расширения. Вместе с тем содержание этих прав и их определение все еще является предметом дискуссий. Так, видный российский ученый В. Зорькин под цифровыми правами предлагает понимать «...права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети Интернет. А также право свободно общаться и выражать мнения в Сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации»¹.

Защита цифровых прав как приоритетная задача современного государства

Признание и защита цифровых прав граждан от возможных нарушений с одновременным обеспечением конституционно-правовой безопасности личности, общества и государства на основе конституции и с учетом необходимых международных документов становится одной

из задач государства в условиях цифровой реальности.

В этой связи уместно упомянуть японский опыт преобразований, где один из главных принципов развития – развитие информатизации в тесной связи с демократизацией². Информатизация и демократизация общества – две главнейшие тенденции в развитии общества. Внедрение ИКТ и переход в цифровую эру должен осуществляться с учетом человеческого фактора.

Обусловлено это появлением новых угроз и нарушений прав человека. С одной стороны, ставшие уже «традиционными» («аналоговыми») права граждан нарушаются и ограничиваются в процессах цифровизации. С другой стороны, происходит «перенос» этих прав в цифровое пространство, где возникают производные «цифровые права» – особые цифровые «проекции» общих прав граждан. При этом «цифровые права» также страдают от хаотичной, мозаичной, навязываемой цифровизации. Среди наиболее часто встречаемых нарушений можно отметить несоблюдение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, нарушаются свобода слова и печати, права авторов и изобретателей и другие конституционные права и свободы. Кроме того, можно отметить, что общий объем преступлений и правонарушений против конституционных прав и свобод человека, совершаемых в сфере цифровых технологий, из года в год возрастает.

Защита частной жизни в условиях цифровой реальности

С XIX в. начинается процесс становления массового общества, в котором в жизни человека четко разграничиваются две сферы – сфера общественная, публичная, связанная с работой, с взаимодействием с государственными структурами и т.д., и сфера частной жизни, приватная. Еще позже, уже в XX в., Ж.-П. Сартр сформулирует идею о раздвоении Я на «я-для-себя» и «я-для-другого»³.

¹ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета (Столичный выпуск). – 29.05.2018. № 115 // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.

² Ефимов А. А. Электронное правительство Японии в контексте внутренней и внешней политики государства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – № 3 (7), 2015. – С. 101.

³ Жан-Поль Шарль Эмáр Сартр (фр. Jean-Paul Charles Aymard Sartre;) – французский философ, представитель атеистического экзистенциализма.

Так, процесс усиления индивидуализации человека является одновременно процессом становления ценности приватности: именно в рамках частной жизни человек чувствует себя подлинно свободным, не стесненным рамками общественных условий, именно в частной жизни он является самим собой.

Уже к концу XIX в. становится понятно, что частная жизнь требует защиты, и формулируется идея права на неприкосновенность частной жизни. Впервые это понятие было концептуализировано в 1890 г. в США юристами С. Д. Уорреном и Л. Д. Брендайсом⁴.

Сейчас право на частную жизнь состоит прежде всего в праве на защиту персональных данных, на неприкосновенность жилища, на тайну связи (переписки, телефонных переговоров и т.д.), врачебной тайны (и других видах профессиональной тайны), а также в праве на защиту чести и доброго имени и запрете на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Эти права закреплены в разных законодательных документах разных стран.

Статья израильской правозащитницы, юриста и правоведа Р. Габизон вышла в 1980 г., но уже тогда она отмечает, что существующих мер для защиты приватности становится недостаточно, и это связано с технологическими изменениями: «Успехи технологий наблюдения, записи, хранения и поиска информации делают практически невозможным или крайне затратным для индивидов защиту того уровня приватности, который они имели раньше. “Переход границ” прессой, на который ссылаются Уоррен и Брендайс, придает существовавшим ранее путем публикаций и слухов вторжениям в частную жизнь новое измерение, благодаря скорости и размаху современных СМИ»⁵.

Не нужно пояснять, что за прошедшие с тех пор десятилетия эти тенденции приобрели такой масштаб, который Р. Габизон не могла себе даже представить, и защита приватности в цифровую эпоху стала еще более сложной задачей, чем когда-либо. В частности, к существующим проблемам приватности добавляется проблема конфиденциальности данных в цифровых взаимодей-

ствиях, которая носит не только политико-правовой, но и технический характер.

В современной ситуации обсуждения приватности и конфиденциальности чаще являются объектом политических спекуляций или публичных дискуссий, нежели содержательного научного анализа, при этом обсуждения сосредоточены преимущественно на проблеме защиты индивида и его персональных данных от контроля государства.

Сегодня граждане, общество в целом, бизнес и власть должны осознать, что наряду с наземной территорией, воздушным и водным пространством средой нашей жизни и деятельности является информационное (цифровое) пространство. При этом мы сегодня не имеем кодекса, который, по аналогии с Правилами дорожного движения, земельным, воздушным и морским кодексами, регулировал бы отношения и деятельность в цифровом пространстве. Расплывчатость его виртуальных границ и неопределенность в применяемой юрисдикции (в совокупности именуемые трансграничностью киберпространства) не должны приводить к ошибочному выводу о невозможности правового регулирования отношений в цифровом пространстве.

Перспективы развития концепции и защиты цифровых прав человека в Узбекистане

Особую значимость данный вопрос приобретает для Узбекистана, где идут процессы перехода на цифровую экономику.

5 октября 2020 г. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев подписал Указ № УП-6079 «Об утверждении Стратегии “Цифровой Узбекистан – 2030” и мерах по ее эффективной реализации». Цель принятия Стратегии – успешный переход на цифровую экономику с учетом современных реалий. Сегодня доля цифровой экономики в ВВП Узбекистана составляет 2,2 %. В соответствии с проектом Концепции развития системы «Электронное правительство» Республики Узбекистан к 2025 г. планируется довести долю услуг ИКТ в ВВП до 5 %, а к 2030 г. – до 10 %. Для сравнения можно отметить, что средним оптимальным

⁴ Warren and Brandeis The Right of Privacy // Harvard Law Review . 1890/ Vol./4. – P. 193.

⁵ Ibid. – P. 197.

показателем считается 7–8 %. Например, в Великобритании это 12,4 %, Южной Кореи – 8 %, Китая – 6,9 %, Индии – 5,6 %, в России – 2,8 %, Казахстане – 3,9 %⁶.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- обеспечить правовую базу для перехода на цифровую экономику, например, путем принятия Стратегии и дорожной карты;

- создать институциональные основы, т.е. механизмы реализации Стратегии, в виде соответствующих структур и процедур для координации, исполнения, мониторинга, контроля и оценки принимаемых мер;

- обеспечить мобилизацию ресурсов для финансирования предусмотренных в Стратегии мер, причем важное значение имеет укрепление сотрудничества с международными и зарубежными партнерами;

- принять меры по обучению и подготовке высококвалифицированных кадров для цифровой экономики, а также по обучению и подготовке населения к условиям цифровой экономики.

Таким образом, принятие Стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030» и Дорожной карты по ее реализации в 2020 – 2022 гг. создает правовую базу для перехода на цифровую экономику. Помимо этого, безусловно, требуется принятие мер по дальнейшему совершенствованию законодательства, т.е. внесение изменений и дополнений или разработка новых нормативно-правовых актов с учетом требований цифровой экономики. Стратегия определяет основные сферы и направления цифровизации, а также основные механизмы для ее реализации, а Дорожная карта определяет кон-

кретные меры, сроки и исполнителей для реализации данной Стратегии.

В условиях перехода на цифровую экономику и реализацию вышеуказанной Стратегии будет возрастать роль вопросов об обеспечении цифровых прав человека. Однако, при внедрении в жизнь современных цифровых технологий требуется разработка концепции по развитию системы законодательства в области защиты прав человека в сфере цифровых технологий.

Цифровая трансформация будет способствовать развитию государства, общества и каждого отдельного человека только при соблюдении прав и свобод человека и гражданина.

В заключение отметим, что цифровые технологии – фактор, который может и должен способствовать устойчивому развитию. Это – движущая сила развития и фактор, ускоряющий готовность, реагирование и восстановление после кризисов, что особенно важно для защиты прав человека. В этой связи уместно упомянуть японский опыт преобразований, где один из главных принципов развития – развитие информатизации в тесной связи с демократизацией. Информатизация и демократизация общества – две главнейшие тенденции в развитии общества. Внедрение ИКТ и переход на цифровую эру должен осуществляться с учетом человеческого фактора. Только при этом условии можно обеспечить эффективную защиту прав человека в условиях цифровой экономики. Узбекистан, на наш взгляд, готов к внедрению цифровых технологий и к созданию правовой базы, на основе которой будет обеспечиваться неприкосновенность частной жизни, прав и свобод граждан в цифровом пространстве.

⁶ Цифровой потенциал стран – участник ЕАБР. Центр интеграционных исследований, 06/2019. [Эл.ресурс] URL: https://eabr.org/upload/iblock/551/EABR_Digital_Potential_06_2019.pdf.